

Тренировочный лагерь каждый год набирал новую волну «студентов» и каждый год выпускал трёх «выпускников». Двадцать лет назад эта цифра считалась высокой. Профессия убийцы — это наполовину молодёжная работа, с возрастом риск погибнуть возрастает даже при малейшей ошибке. Однако в последние годы ситуация изменилась: страна погрузилась в хаос, спрос на убийц превысил предложение, а средние гонорары в рейтинге росли на 15–20 процентов ежегодно.

Работодатели жаждали постоянного притока свежей крови, но никто не видел костей, лежащих под этой кровью.

В тот год выпускное задание тренировочного лагеря проходило в сосновом лесу. Ду Ицзэ вспомнил, как сам когда-то таким же образом попал в спецслужбу, только теперь всё было по-настоящему: выжить должны были лишь трое, которые и станут «выпускниками» этого года.

Это был выпускной в стиле взаимной резни. Основатель лагеря считал, что если они не смогут пройти даже выпускной, то их дальнейшая жизнь будет лишь пустой тратой ресурсов работодателей. Неизвестно, стоит ли тем, кто рано выбыл из-за травм, считать себя счастливыми, избежавшими участия в этом выпускном.

Насколько жестоким был этот выпускной? Они даже не знали даты его проведения — их просто однажды утром вытащили из кроватей в общежитии, надели на головы мешки, затолкали в внедорожник, нацепили на шеи специальные ошейники для мониторинга жизненных показателей и выдали одинаковое снаряжение. Внедорожник ездил по сосновому лесу, трясясь на ухабах, и время от времени высаживал одного или нескольких участников. Как только двери машины закрывались, внутри слышались непрекращающиеся выстрелы, а в салоне раздавались уведомления о потерях, которые били по их чувствительным барабанным перепонкам. Это держало участников в напряжении, и ходили слухи, что кто-то однажды умер от сердечного приступа, не успев даже выйти из машины.

Ду Ицзэ высадили в середине пути, вместе с ним вышел ещё один человек. К счастью, он вовремя среагировал, уклонясь от пули, которая пролетела прямо возле его уха, и выстрелил в голову противника. У него не было времени на отдых или передышку, он двигался согнувшись по лесу, ошейник на шее сдавливал его дыхание, а в наушниках периодически раздавались холодные механические голоса, сообщавшие о количестве оставшихся участников. Эти звуки были как огонь, пылавший у него за спиной, заставляя его двигаться вперёд, выживать, даже если это было лишь жалкое существование, иначе он ничем не отличался бы от тех слабаков, которые погибли на заднем дворе лагеря.

Ду Ицзэ повезло, и он отличался терпением. Он нашёл незанятую высоту, лёг на землю и стал ждать.

Чем меньше оставалось людей, тем опаснее становилась ситуация. Никто не знал эту местность, и любое движение могло превратить тебя в мишень. В сосновом лесу уже высадили немало участников, но он оставался тихим, как пустыня. Солнце только встало, туман ещё не рассеялся. Никто не решался пошевелиться, боясь издать малейший звук и выдать своё местоположение. Хотя многие участники могли выиграть в прямом столкновении, никто не мог

избежать пули, выпущенной из-за спины. Ду Ицзэ даже сменил пистолет на тот, что был снабжён глушителем, чтобы бесшумно устранить любого, кто попытается подняться на эту высоту.

Солнце переместилось с востока на запад, кто-то погиб из-за недостатка навыков, кто-то из-за неосторожности, а кто-то просто из-за неудачи. Когда наступила ночь, выпускной подошёл к концу, и в наушниках Ду Ицзэ наконец раздалось уведомление: [Осталось трое]. По идее, все могли бы выйти, пожать руки и отпраздновать успех, но он всё ещё прятался в тени, терпеливо ожидая.

Возможно, сегодня они ещё могли бы называть друг друга братьями, но как только они выпустятся, любой из них мог стать преследователем.

Когда один из выживших, не скрывая возбуждения, шагнул в поле зрения Ду Ицзэ, тот не стал убивать его, но выстрелил в колено и руку, заставив того «выйти на пенсию» до выпускного.

Другой участник, который, как и Ду Ицзэ, прятался в лесу, выскочил с предупреждением:

— Хватит! Прекрати стрелять!

Его силуэт мелькал среди деревьев в семистах метрах, как маленькое животное. Ду Ицзэ подумал, что раз они все подписали соглашение о риске для жизни, то убивать можно без зазрения совести, и, повернувшись, сменил оружие на снайперскую винтовку.

Таким образом, в тот год настоящим «выпускником» стал только Ду Ицзэ. Чтобы предотвратить подобную «недобросовестную конкуренцию», тренировочный лагерь впоследствии значительно изменил правила.

Первым делом после выпуска он вернулся в место, где жил в детстве, и, лёжа на крыше дома-коридора напротив, навёл снайперскую винтовку. Через прицел он увидел, как его родители сидят на стареньком диване и слушают радио. Матушка Ду с довольным видом прижалась к плечу отца Ду, в доме царили мир и уют, не было криков и бесконечной ненависти, как будто ничего не произошло, как будто все обиды были лишь мимолётными.

В итоге Ду Ицзэ так и не выстрелил, не из-за внезапной жалости, а просто потому, что это казалось бессмысленным.

Тот школьный директор давно уехал за границу, купил дом с бассейном и, говорят, завёл сына и дочь, живя вполне счастливо.

В последующие годы Ду Ицзэ сосредоточился на подъёме в рейтинге, а в свободное время прятался в маленькой квартире, спал, занимался спортом, а в хорошем настроении покупал билеты на самолёт и уезжал в отпуск.

Нынешний работодатель Ду Ицзэ носил фамилию Ци и заплатил огромную сумму, чтобы тот вернул его племянника. При встрече господин Ци на мгновение задержал руку, протягивая визитку, и, оглядев Ду Ицзэ с ног до головы, с сомнением спросил:

— Так вы... Лис?

Ду Ицзэ вежливо кивнул:

— Да, это я.

Прозвище «Лис» он получил сразу после выпуска. Тогда ему поручили убить ветерана бизнеса, но тот был крайне осторожен: у входа в его виллу стояла усиленная охрана, а при выезде из дома его сопровождало несколько бронированных автомобилей, и было неизвестно, в каком из них он находился. Ду Ицзэ провёл почти месяц в засаде у ворот, но так и не нашёл подходящего момента. Позже он узнал, что у этого ветерана были странные пристрастия: он любил молодых мальчиков с чистой кожей и в поисках «добычи» посещал подпольные клубы. Обойдя чёрный рынок, Ду Ицзэ понял, что приглашение в такой клуб купить невозможно, и, умыв лицо, подстриг волосы и сбрив бороду, устроился туда официантом.

В тот вечер Ду Ицзэ был одет в чёрный фрак, на руках — белые перчатки, он нёс поднос, перемещаясь среди пьянящей атмосферы ночного клуба. Его лицо оставалось бесстрастным, он выглядел отстранённым и необщительным, но однажды, стоя слишком близко, он получил знак подойти и налить вина. Наклонившись, он поднял глаза и посмотрел на ветерана.

Этот взгляд был смелым и прямым, как у любопытного кота, чистым и наивным, не осознающим опасности, и это сразу же заинтересовало ветерана.

Ветеран спросил, чем он занимается и почему работает здесь. Ду Ицзэ ответил:

— Моя семья давно обеднела, отец надеется, что я смогу всё исправить...

Он сделал паузу, сдерживая разочарование, и продолжил:

— Но партнёр сбежал с деньгами, моё дело провалилось, и теперь я в долгах, похоже, я навсегда застряну здесь.

— Продажа вина не приносит много денег, — сказал ветеран, беря его за запястье. — Тебе стоит подумать о другом способе.

В ту же ночь Ду Ицзэ оказался в доме ветерана. Перед входом его обыскали, забрали телефон и открыли маленький чёрный рюкзак, который он нёс. Он стоял один в роскошном зале дома, высокий и прямой, с поднятым подбородком, всё тем же наивным и открытым взглядом оглядывая окружение, терпеливо ожидая завершения проверки.

После проверки ветеран не вернул ему рюкзак, а сам взял его и повёл в гостиную. Увидев его острый подбородок, он шутливо заметил:

— Ты похож на лиса.

Услышав это, Ду Ицзэ рассмеялся, его глаза сузились, став похожими на полумесяцы. Он был настолько красив, что ветеран не смог сдержать восторга.

<http://bllate.org/book/15266/1347246>